

Молодой Ленинград. Поэзия

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1989 г., 384 стр.
Тираж 10 000 экз. Цена 1 р. 90 к.

Главный редактор А.С. Кушнер
Редколлегия: Л.М. Агеев,
Г.Б. Гоппе (составитель),
О.А. Тарутин, И.О. Фояков
Редактор Т.С. Харькина

Художник Виктор Левченко

Стихи: Вячеслав Андреев,
Сергей Бердников,
Татьяна Вольтская,
Геннадий Григорьев,
Ирина Знаменская,

Елена Игнатова, Евгений Каминский, Ольга Кириенко, Николай Кононов,
Борис Краснов, Анна Кутыева, Алексей Машевский,
Наталия Перевезенцева, Алексей Пурин, Сергей Скверский,
Александр Фролов, Елена Шварц, Зоя Эзрохи, Татьяна Бедова,
Геннадий Беззубов, Ольга Бешенковская, Николай Голь, Сергей Дроздов,
Софья Дубовская, Иван Дуда, Елена Ермак, Елена Захарченко,
Елена Кальсберг, Михаил Каневский, Александр Ковалев,
Николай Колычев, Марк Котлярский, Виктор Кривулин,
Андрей Крыжановский, Алла Михалевич, Михаил Окунь, Ирина Павлова,
Ольга Пилюгин, Давид Раскин, Галина Складневская, Александр Танков,
Эрик Шмитке, Эдуард Шнейдерман, Наталья Абельская,
Ирина Агафонова, Евгений Балкунов, Валентин Бобрецов,
Лариса Володимерова, Сергей Воронов, Елена Галактионова,
Лев Дановский, Виталий Дмитриев, Михаил Дидусенко, Елена
Дунаевская, Елена Жабинковская, Анна Журавлева, Всеволод Зельченко,
Виктор Иванов, Галина Иванова, Светлана Иванова, Олег Казаков,
Андрей Карапетян, Игорь Клобуков, Владимир Кологрив,
Галина Куразова, Татьяна Лапшина, Валентина Лелина, Марина Марьян,

Юлия Матонина, Михаил Матренин, Галина Матюшкина,
Дмитрий Мизгулин, Татьяна Мнева, Ирина Моисеева, Сергей Николаев,
Сергей Носов, Олег Охупкин, Лариса Позина, Елена Пудовкина,
Татьяна Савельева, Елена Саран, Владимир Семенов, Татьяна Семенова,
Владимир Семков, Ирина Сидорова, Евгений Сливкин, Валерий Слуцкий,
Надежда Смирнова, Сергей Стратановский, Диана Сулейкина,
Анатолий Трохин, Дмитрий Филимонов, Владимир Филиппов,
Елена Филиппова, Алексей Флотский, Юлия Хайрутдинова,
Анатолий Цветаев, Сергей Чалов, Нина Чудинова, Владимир Шалыт,
Евгений Шведов, Юрий Шестаков, Виктор Ширали,
Владимир Шубинский, Александр Шумилов

Елена Шварц

НЕБЕСНЫЙ БАЛЕТ

Вчера была гроза,
И «ух ты!» говорила
Я всякий раз,
Как молния прыжком
Нижинским в облака влетала, и скользила,
И в землю падала, – от этого был гром.

И тучи прыскали алмазным порошком.
И вместе – блеск и топот тот неместный.
О, Дезире! Балет небесный!
Толкают – мол, пора – на сцене этой тесной,
Висящей между бездною и бездною,
И локоть округлить, и сердцем распрямиться,
Зависнув, просиять и в пропасть провалиться,
Сверкая в глуби заочных глаз.

Николай Голь

БАЛЛАДА С ТЕНДЕНЦИЕЙ

Мы все несовершенны –
и вот тому пример:
художник Ярошенко
выходит на пленер.
Он тихо в рощу входит,
он пишет сонный мрак,
а на холсте выходит
заплеванный кабак.
Видны сквозь листья лица,
склоненные к борщу,
а на березе птица
щебечет: «Не пушу!»
Вновь жанровая сценка,
И нравы так грубы...
«Мы, – молвил Ярошенко, –
тенденции рабы:

на днях с натуры Шишкин
писал публичный дом,
а получились шишки
и мишки под кустом...»

Сергей Николаев

АВТОПОРТРЕТЫ ПИРОСМАНИ

Олени, львы, жирафы, лани –
Автопортреты Пиросмани.

Гуляки с грустными усами –
Автопортреты Пиросмани.

И злые розы в Алазани –
Автопортреты Пиросмани.

Жирафы, розы, львы – как дети,
А он как бог – за всех в ответе.

Елена Игнатова

Все протяженье брошенной столицы
вмещается в единый перелет
чирка болотного.

Но страшно сельской птице
на празднике огня и света появиться,
и воздух нежилой над городом течет.

Здесь каменный народ, который целый день
Карнизы подпирал,

стоял в неловких позах
на крышах. Он дает себе короткий роздых.

Простолюдин античный любит лень,
Игру в щелчки, катание на козах.

Пока мы заперты в свои дома,

Пока мы беззащитны перед снами,

Мелькают пятки бронзовые,

Ходят кони табунами...

И улица легла, обнажена

Перед ночными плясунами.

Дмитрий Мизгулин

Походкой немного нетвердой,
Храня независимый вид,
По улице шествует гордо
Минувшей войны инвалид.

И обыкновенная сетка
В руках огрубевших его –
Теперь уж на улице редко
С такой повстречаешь кого.

Примета минувшего быта!
Мы стали тебя забывать.
Все было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

Теперь уж не переиначим
Минувших, сокрывшихся дней,
Где жили не то чтоб иначе,
Но все-таки как-то дружнее...

Опять твоя сумка забита
До самых высоких краев.
Пейзажем заморским сокрыто
Бездонное чрево ее...

Сергей Стратановский

Трудно зарубцеваться
детским обидам царапинам в сердце в уме
Когда изгоняют
из игр в казаки и разведчики
Когда презирают
и мажут землю лицо
Когда хлещут крапивой
посреди флибустьерского лета
Горько детям-изгоям
в малиннике жизни счастливой

Обделенным малиной
 гонимым свинцовой Садовницей
Грязные страшные дети
 размазывающие слезы
От сердечной занозы
 готовые броситься в пруд
Мучить кошек
 наказывать смертью жуков
Глянь на дереве жук-гуманист
Тихим пальцем его раздави
Копшатся обиды и мир без любви
Словно детские слезы нечист

Виктор Ширали

Светлейшей воды,
В серебре минимальной оправы,
Заносчивый камушек
На пальце сладчайшей руки,
Подвергшей меня,
Подвергающей губы и сердце опале.
Но дело к апрелю,
И дни мои снова звонки.

Я прожил,
Я пережил
Четверть чреватого века.
Зима меня выжгла
И вышибла
В горькую,
В дым.
Меня бы поставить,
Как черную черствую ветку,
Еще в декабре,
В склянку комнатной теплой воды.

Но вы...
Но куда уж вам!
Так ли?

Иначе и легче
Я прожил бы эту любовь
В этот год.
Но как бы там ни было,
Я начинаю.
Я начал.
Зеленую свору
Спускаю в разгон,
В разворот.

Евгений Каминский

ПУГАЛО

Бьет солнце зноем прямо в темя,
и птицы, с голодухи злы,
пикируют... И свищет время
из-под разорванной полы.

А он стоит и в тучах пыли
блюдет хозяйские права.
А он почти летит, как крылья,
свои раскинув рукава.

О, это отрыванье к сини!
И яростная благодать —
трещать по швам на крестовине
и пуговицы с мясом рвать!

Прощай, урод. В начале мая
придет хозяин в огород,
чтоб, на судьбу свою пеняя,
тащить тебя за поворот.

А ты, уже совсем бесплотный,
сплошная рвань, почти что дух,
вдохнешь устало дух болотный
и приютишь в карманах мух.

И с видом самым простоватым,
прильнув к чужому рукаву,
ты выпустишь в прорехи вату
и гнезда вывалишь в траву.
Но дым вдохнешь и, к острым бликам
летя, вдруг все поймешь. И вот
боль будет, изгибаясь дико,
искать хоть щелочку для крика...
и не найдет. Прощай, урод.

Иван Дуда

ВЕК

И вы мне не нравитесь.
Атомный вы.
Какой-то не чистый. Не гуманитарный.
Я в новый хочу. Но билет – до Москвы.
А все еще – едем...
И все еще – Сарны...
Пусти!
Но пиявкой впивается он,
болотной пиявкой, сердитой осою –
без этого века безлюдный перрон.
И пухнет щека.
И окно я закрою.